

словообразовательной и – более того – в лексической системе и объяснить их существование. Используя это понятие, можно определить словообразовательный потенциал различных частей речи, а не только имен существительных – названий птиц, их лексико-грамматических разрядов и лексико-грамматических групп, выявить дефектные парадигмы, предсказать появление новых слов.

Из вышеизложенного следует, что понятие словообразовательной парадигмы обладает большой обобщающей и прогнозирующей силой. Слова, образующиеся от исходных орнитонимов, являются потенциальными. Они заполняют пустые клетки словообразовательных парадигм и образуются по продуктивным словообразовательным типам. Если мы знаем о вхождении в типовую словообразовательную парадигму лексем с теми или иными деривационными значениями, то можем ожидать их возникновения от любого слова данной лексико-семантической группы, что является весьма существенным моментом при выявлении словообразовательного потенциала орнитонимов. Как было отмечено ранее Е.С. Кубряковой, «... производные существительные развивают огромное

количество специализированных значений. Связанные более тесно с предметным миром, они характеризуются такими разнообразными значениями, что классификация их может строиться по разным основаниям, а зачастую она становится настолько дробной, что сливается с классификацией реалий» [1, с. 111].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Изд-во «Наука», 1981. – 200 с.
2. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. – Т. 1. – М., 2003. – 860, [4] с.

N. Dmitrieva

THE MAIN GROUPS OF WORD-FORMATION PARADIGMS OF ORNITHONYMS

Abstract. The article deals with the groups of typical word-formation paradigms of ornithonyms. It's possible to name twelve groups of them, including groups with zero potential and groups with great quantity of derivatives. The analysis of such groups allows predicting the word-formation potential of different parts of speech.

Key words: word-formation paradigm, ornithonym, word-formation potential, borrowing, word phrases.

УДК 81'373.232.3 (470-25) "16/17"

Зуборева Г.Ф.

НАИМЕНОВАНИЯ МОСКОВСКИХ ЦАРЕЙ XVI-XVII ВВ. (ТИТУЛЯРИЙ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ)*

Аннотация. В статье описаны титулование русских царей эпохи Смутного времени в трудах историографов XVIII-XX веков, правителей и самозванцев Смутного времени в записях современников в зависимости от политической ориентации авторов.

Ключевые слова: самодержец, царь, великий князь, самозванец, титул, правитель, законный правитель.

Отечественная историография традиционно отражает историю личностей (царей, правителей, военачальников, церковных деятелей), не являясь исключением история Смутного времени.

Рассмотрим в качестве фактически-

смутного времени. Лингвистических работ по титулярию московских правителей изучаемого периода нет. Объектный (территориальный, владетельный) титул в диахроническом аспекте изучали историки С.М. Каштанов, А.Л. Хорошкевич, А.И. Филюшкин [1]. Формированию и функционированию великокняжеского титула посвящены работы А.В. Лаушкина, В.А. Кучкина, М. Агоштон [2]. Специалисты-историки представляют фактический материал с идеологических, социальных, политических, географических позиций, не уделяя внимания происхождению и семантике. Представляет интерес деление титула на «титул притязаний» и «титул обладания» [3]. По нашим наблюдениям, исторический термин «титлатура» (*titulatura*) по отношению к московским правителям

* © Зуборева Г.Ф.

впервые употребил в начале XVI в. Сигизмунд Герберштейн [4] в латиноязычном труде «Московия». Переводы на русский язык были осуществлены А.И. Малеиным (1908, 1988). Новое издание записок С. Герберштейна осуществлено З. Ножкиной в 2007 году. Во всех указанных изданиях находим главу «Титулатура». С. Герберштейн, хорошо знакомый с европейской литературой о московском государстве, поясняет, что титул *князь* (*knes*) соответствует европейскому *герцог*, а наименование *император* (*Keiser*) не соответствует русскому слову *царь* (*czar*), которое по своему значению ближе к европейским *Kral*, *Kyrall*, *Koroll*. Автор упоминает также наименование *белый царь*. Герберштейн пишет: «Простой народ в Московии, когда желает выразиться изысканно, называет великого князя «белым царем», но причины тому не знает» (Герберштейн С. 2008, 98). В итоге он приходит к выводу, что, возможно, это связано с цветом головного убора.

Неформально этот титул (в виде «*цесарь*», а затем и «*царь*») употреблялся правителями Руси начиная с XI века, а систематически – со времён Ивана III (в основном в дипломатических отношениях). Иван III впервые в политических отношениях стал использовать титул *государь всея Руси*, прежде употреблявшийся лишь в домашнем обиходе, в актах внутреннего управления и в договоре 1494 г. После падения монголо-татарского ига Иван III титулуется себя *царем всея Руси*. Этот термин в Древней Руси означал, что правитель независим во внешнеполитической деятельности. Свержение ига устраняло политическое к тому препятствие, а брак с Софьей Палеолог давал на то историческое оправдание. Иван III начал титуловаться: «Иоанн, божиею милостью *государь всея Руси*». Этот титул требовал перечислялись земель, находящихся под властью правителя: «Государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Пермский, и Югорский, и Болгарский, и иных» (Ключевский В.О. Т. 2, 1987, с. 115-116).

Наследовавший Ивану III Василий III довольствовался старым титулом *великий князь*. Его сын Иван IV Грозный по достижении совершеннолетия короновался как *Царь Всея Руси*, утвердив таким образом в глазах подданных свой престиж как суверенного правителя и наследника византийских императоров (за границей его титул либо не признавали, либо оставляли без перевода). В 1547 г. Великий князь московский Иван Грозный

официально принял титул *царь*, что должно было символизировать значительное возвышение московского правителя над удельными князьями. Титул *великий князь* продолжал употребляться в полном титуловании монарха при перечислении находящихся под его властью земель: «...царь казанский, астраханский и сибирский, великий князь смоленский, тверской, вятский и иных земель».

Малый государев титул Ивана IV: «Иван Божию милостию господарь всея Руси, Великий князь Володимирский, Московский, Новградский и иных». Малый государев титул иногда использовался в документах эпохи.

Иван Грозный стремился придать титулу торжественности и опирался на богословие: «...Сего убо бога нашего, в троице славимого, милостию и хотением удрьжахом скипетр Российского царствия мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси самодержец, владимирский, московский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, государь псковский и великий князь смоленский, тверской, югорский, пермский, вятцкий, болгарский и иных, государь и великий князь Новгорода Низовские земли, черниговский, резанский, полотцкий, ростовский, ярославский, белозерский, удорский, обдорский, кондинский, и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель, и государь отчинный земли Лифляндские и иных многих земель государь» (Соловьев С.М., кн. IV, 2001, 2). Этот титул назывался «*Большим государевым титулом*». Отметим, что в рамках большого государева титула используются названия как присоединенных к Московскому государству земель и бывших удельных княжеств, так и земли «желаемых» территорий. Официальные титулы характерны для документов изучаемой эпохи. Большой титул, как правило, используется на межгосударственном уровне.

При анализе работ ведущих историографов Смуты: В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, С.М. Соловьева, Р.Г. Скрынникова, Н.И. Костомарова, В.Б. Кобринна обнаруживается, что *Ивана Грозного* частотно именуют: царь Иван (Платонов С.Ф. 1995, с. 126), Иван IV (История Отечества 1991, с. 164); царь; царь Иоанн; Иоанн Грозный (Соловьев С.М., кн. IV, 2001, с. 5, 20, 107). Но существуют и более редкие именованья: Московский государь, «царь православия», царь и великий князь всея Руси; государь князь Иван Васильевич Московский (Платонов С.Ф., 1995, с. 85, 88, 103), царь и самодержец; единый

властитель и самодержец; государь, князь великий Иван Васильевич всея России; царь и великий князь Иван Васильевич (История Отечества 1991, с. 2, 5, 7, 39, 64), Великий государь, Великий князь Иван Васильевич, Боговенчаный царь-государь, Грозный царь Иван Васильевич (История Отечества 1991, с. 75, 78, 81, 103). Большой и малый государевы титулы историографы используют только при цитации документов. Обращает на себя внимание факт, что сокращенные наименования характерны для авторской речи типа: «... писал Грозный о боярах Курбскому...; ...от прародителей наших данную нам власть от нас отъяша, – писал Грозный, – еже вам бояром нашим...; ... по словам царя...» [Платонов С.Ф. 1995, с. 137]. Сам себя Иван Грозный именовал чаще всего царем. Однако в связи с притворным самоуничтожением в обращении к князю Симеону Иван IV называет себя «Иванцем Васильевым». По отношению к Ивану IV Р.Г. Скрынников употребляет наименование «Деспот-отец», говоря об отношениях Ивана IV с сыном Федором.

Царя Федора титулуют: Царь Федор (Соловьев С.М., кн. IV, 2001, с. 126), Царь Федор Иванович; Царь (Костомаров 1991, с. 334), Царевич Федор (Ключевский Н.И., Т. 3, 1987, с. 17) – частотно. Реже встречаются наименования: «благодаривый (юродивый) Федор, «освятованный» царь (Скрынников Р.Г., 2006, с. 403); Государь царь и великий князь Федор Иванович (Костомаров Н.И. 1991, с. 351). В авторском тексте чаще употребляется только имя – Федор (Феодор). Реальные описания физического облика царя Федора Ивановича находим в документах иностранцев (Соловьев С.М., с. 158). Шведский король говорил, что «русские на своем языке называют его durak» (История Отечества 1991, с. 165). В работах С.М. Соловьева находим отсылки к речам русских послов, рисующих перед иностранцами идеальный образ московского государя (Соловьев С.М., с. 112, 119).

Дж. Флетчер в работе «О государстве русском» свидетельствует, что все иностранцы должны были полностью называть большой государев титул Федора Ивановича: «Божию милостию Царь и Великий Князь, Федор Иванович, всея Руси Самодержец, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Государь Псковский и Великий Князь Новгорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Лифляндский, Удорский,

Обдорский, Кондинский, и всея Сибирская земли и северные страны повелитель и ... иных многих Государств Государь и Обладатель» (Флетчер Дж. 2002, с. 38). Представляет интерес факт, что этот титул не включает название земель: Смоленской, Тверской, Югорской, Пермской, Вятской, Болгарской, которые упомянуты в титуле Ивана IV.

В историографических сочинениях упоминается сын Ивана Грозного *царевич Дмитрий*: Царевич Дмитрий, Царевич (Соловьев С.М., кн. IV, 2001, с. 179). Но чаще его титулуют так: «Страстотерпец царевич Дмитрий» (Платонов С.Ф., 1995, с. 204).

Борис Годунов, получивший власть после смерти Федора, получил у историографов единичные наименования: Царь Борис; конюший боярин; правитель (Платонов С.Ф. 1995, с. 134, 144), боярин Борис Федорович Годунов; царский шури́н [История Отечества 1991, с. 165], конюший боярин Борис Федорович Годунов; Царь; Царь Борис (Платонов С.Ф., 1995, с. 16, 149, 210). Современники не отрицали ума и проницательности Годунова, а подчас выступали на его стороне. Реже встречаются следующие наименования: князь; правитель государства; боярин; «дворовый воевода»; «наместник Казанского и Астраханского ханств»; государев шури́н (Платонов С.Ф., 1995, с. 133, 134), всемогущий правитель; большой боярин Годунов; милостивый царь государь»; государь Борис Федорович; царь Борис Федорович; царь избранный; государь; царь Борис Годунов; великий государь (Соловьев С.М., кн. IV, 2001, с. 111, 112, 165, 167, 189, 191, 192, 198), единый и самовластный правитель (Костомаров Н.И. 1991, с. 337), государь Борис Федорович [7, 403], «богоизбранный царь», «помазанник Божий» (Скрынников Р.Г. 2006, с. 403, 407).

Англичане именовали Бориса лордом-протектором Русского государства (prince Boris Fed. Lord Protector of Russia) (Платонов С.Ф., 1995, с. 133; История Отечества 1991, с. 166). В польских источниках царя Бориса Годунова именуют «Борыс» (Платонов С.Ф., 1995, 142).

Наследник Годунова, *Федор Борисович*, был личностью неяркой, но, замученный Григорием Отрепьевым, заслужил уважение как невинная жертва, поэтому стал именоваться: царевич Федор; царевич Федор Борисович; государский сын; царь Федор Борисович; царь Федор (Соловьев С.М., кн. IV, 2001, с. 193, 195, 227, 230).

В официальном документе: «Присяга

царя Василия Ивановича Шуйского – 1606 г.», *Василий Шуйский* назван «Божиею милостию великий государь царь и великий князь Василей Иванович Всеа Русии...учинился есмь на отчину прародителей наших, на Росийском государстве царем и великим князем...». Впоследствии Шуйский именуется: «Я, царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии» (Платонов С.Ф., 1891, с. 18).

Отношение в историографических трудах к *Василию Шуйскому* в основном сдержанное: царь; царь Василий Шуйский; царь Василий (Платонов С.Ф., 1995, с. 124, 200, 191), боярин Василий Шуйский; новоиспеченный монарх (Скрынников Р.Г., 2006, с. 439, 440).

В трудах современного исследователя Р.Г. Скрынникова Василий Шуйский получает более резкую номинацию: царь-узурпатор Василий Шуйский [7, 441].

Михаил Романов получил всеобщее одобрение и признание, его избрание является окончанием периода Смуты, что нашло отражение в титуловании: царь Михаил; царь Михаил Федорович (Платонов С.Ф., 1995, с. 125, 165), «прирожденный государь» (История Отечества 1991, с. 183), природный царь Михаил Федорович (Соловьев С.М., кн. IV, 2001, с. 382).

Лжедмитрий I утвердил следующее содержание своего титула: «Мы, пресветлейший (наияснейший) и непобедимейший (непобедимый) Монарх Дмитрий Иванович, Божиею милостию, Цесарь и Великий Князь всея России, и всех Татарских царств и иных многих Московской монархии покоренных областей Государь и Царь» и прочая, и прочая, и прочая (титул перестал употребляться после падения Лжедмитрия) (Скрынников, Р.Г., с. 430).

В авторском тексте историографов частотны наименования: Лжедмитрий, Самозванец, Расстрига, Отрепьев, Еретик (Соловьев С.М., кн. IV, 2001, с. 216, 220, 246, 217, 247). Историографические труды пестрят характеристиками самозванца: монах Григорий Отрепьев; великороссиянин и грамотей; сын галицкого сына боярского Богдана Отрепьева; Князь Дмитрий Углицкий; истинный царевич; «Димитрий господарчик» (Соловьев С.М., кн. IV, 2001, 218, 219, 223, 225, 235), дьякон, келейник чудовского архимандрита; новоявленный царевич; «истинный царь» (Скрынников Р.Г., 2006, с. 415, 417, 426), мнимый царевич; вор расстрига; расстрига Гришка Отрепьев; вор Гришка Отрепьев;

Юшка Богданов сын Отрепьев (Соловьев С.М., кн. IV, 2001, 220, 222, 218, 224), самозванный Лжедмитрий; самозванный Дмитрий; беглый чернец Чудова монастыря Гришка Отрепьев; «безвестный вор»; «баламут»; мелкий галицкий дворянин Юрий Богданович Отрепьев, в монашестве инок Григорий; самозванный царевич; самозванный царек [Скрынников Р.Г. 2006, с. 409, 411, 412, 418, 422].

Лжедмитрии II – некоронованный царь, сразу же был признан самозванцем, поэтому у С.Ф. Платонова, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, Р.Г. Скрынникова можно встретить именованные общепринятые: царь Димитрий, самозванец, Тушинский вор, Лжедмитрий, Царь, вор, царь тушинский; «царик» (Соловьев С.М., кн. IV, 2001, с. 253, 260, 261, 262, 268, 27, 311). В истории сохранились различные имена самозванца, что отражено в авторском тексте: Второй Лжедмитрий, попов сын Матвей Веревкин; попович Дмитрий из Москвы; жид; школьный учитель Иван; сын А. Курбского, Андрей Андреевич Нагой; Дмитряшка; Воскресший Димитрий (Соловьев С.М., кн. IV, 2001, 253, 260, 267, 270), Михалка Молчанов; Богданко; крещеный еврей; Бродячий учитель из Шклова; Тушинский «царек» (Скрынников Р.Г. 2006, с. 440, 444).

Еще об одном самозванце *Петре* сведений не много и все именованные его уничтожительны: Самозванец Петр, Петрушка (Соловьев С.М., кн. IV, 2001, с. 259, 267), Самозванец Петр Федорович; «вор Петрушка»; самозванный царевич Петр Федорович (Платонов С.Ф., 1995, с. 213, 214, 220).

Таким образом, анализ титулярия Московского правителя Смутного времени свидетельствует о значительной частоте средств номинации в обозначении титулов русских царей. Особенностью титулярия является произвольный выбор объектов управления, возможно, связанный с желанием указать иерархичность земель: центра (Владимирское, Московское, Новгородское) и других территорий на востоке/ западе, юге/севере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. <http://slovari.yandex.ru/dict/io/article/io/19000/11528.htm>
2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен, К. IV. – 1584–1613, Т. 7. – М., 2001.
3. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве 16-17 вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время. – М., 1995.
4. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX-начала XX века. Статья: Кобрин В.Б. Смутное время – утраченные воз-

- возможности. – М., 1991.
5. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М., 1991.
 6. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинение в 9 т. – Т. 3 / Послесл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимица. – М., 1987.
 7. Скрынников Р.Г. Русская история IX-XVII веков. – СПб., 2006.
 8. Герберштейн Сигизмунд. Московия; перевод А.И. Малеина и А.В. Назаренко; коммент. З. Ножниковой. – М., Владимир, 2008.
 9. Флетчер ДЖ. О государстве русском. – М., 2002.
 10. Платонов С.Ф. Памятники древнерусской письменности, относящиеся к Смутному времени. – СПб., 1891.
 11. О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Г. Котошихина, издание археографической комиссии. – СПб., 1859.
 12. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинение в 9 т. – Т. 2 / Послесл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимица. – М., 1987.
 13. <http://ru.wikipedia>
 14. <http://slovari.yandex>

Источники:

1. Каштанов С.М. О титуле московских государей в 15-18 вв // Россия в 9-20 вв: Проблемы истории, историографии и источниковедения. – М., 1999.
2. Хорошкевич А.Л. Отражение представлений о регионах государства всея Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре 16 в. // Die Geschichte Russlands im 16/ und 17/ Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden, 2004.
3. Филюшкин А.И. Титулы русских государей. – М.,

СПб., 2006. – С. 193-210.

4. Лаушкин А.В. К вопросу о формировании великокняжеского титула во второй половине 15 в. // Вестник Московского университета. – Серия 8. История. – 1995, № 6. – С. 26-36.
5. Кучкин В.А. Происхождение русского двуглавого орла. – М., 1999.
6. Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г.: К истории формирования русской государственной символики. – М., 2005. – С. 146-167, 238-317.
7. Пчелов Е.В. Объектный титул русских государей: особенности структуры и принципы формирования // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. Материалы XX Международной научной конференции / РГГУ, ИАИ, Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. – М., 2008. – Ч. 1. – С. 121-136.

G. Zuboreva

TITLES OF THE RUSSIAN KINGS IN XVI – XVII CENTURIES (TITLES AND INFORMAL NAMES)

Abstract. The author of the article studies titles of the Russian kings era Time of Troubles in the works historiographers XVIII - XX centuries, rulers, and impostors Time of Troubles in the records of his contemporaries, depending on their political orientation.

Key words: autocrat, tsar (tzar, czar, king), Grand Duke, impostor, title, ruler, legal ruler.

УДК 81' 37

Качалова И.Н.

ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ В ТЕКСТАХ СМИ*

Аннотация. Оценка в рамках исследования языковой игры в текстах СМИ получает статус *метаоценки*, содержащей в себе оценку адресанта и провоцирующей оценку предполагаемого адресата, который вступает с адресантом в коммуникативное равенство.

Ключевые слова: языковая игра, прагматика высказывания, ассоциативный потенциал слова, коммуникативное равенство, оценка, метаоценка

Отличительной чертой текстов современных СМИ является степень свободы выражения, связанная с общим процессом де-

мократизации, и, как следствие, повышение уровня экспрессии, которая в конце XX и начале XXI века приходит на смену стандарту. Экспрессия занимает сегодня ведущее положение в языке газеты, одним из самых распространенных способов ее реализации в тексте является установка на языковую игру.

В последние десятилетия языковая игра (ЯИ) из аттрактивного приема, выгодно иллюстрирующего лингвокреативный потенциал автора [Гридина Т.А., 1996], превратилась в почти необходимый атрибут текста СМИ: «газетчику, настроенному на поиск экспрессии, во что бы то ни стало, непреодолимо хочется построить парадокс, игру слов» [Костомаров В.Г., 1971, с. 153].

* © Качалова И. Н.